

КЕВИН МАКДОНАЛЬД

ЧТО ДЕЛАЕТ ЗАПАДНУЮ ЦИВИЛИЗАЦИЮ УНИКАЛЬНОЙ?

Культурная уникальность, если говорить в общем, может быть обусловлена двумя факторами: природой и воспитанием. Споры о том, что из них первично, велись с незапамятных времен, и, как мне представляется, сегодня нам гораздо проще, нежели раньше, найти подход к данной проблеме. В своей статье я постараюсь показать, что на самом деле оба фактора играют здесь ключевую роль. Западные культуры пережили уникальные трансформации, которые не могли быть спрогнозированы в рамках биологической или эволюционной теории, однако вместе с тем каждая из них имеет уникальный опыт собственной эволюции. Западная культура создавалась людьми, отличавшимися генетически от представителей других цивилизаций и культур земного шара. Ниже я попытаюсь продемонстрировать, что общества Запада обладают рядом уникальных отличительных характеристик, выделяющих их среди других цивилизаций. Вот их перечень:

1. Христианство и христианская церковь.

2. Выраженная склонность к моногамии.

3. Склонность к созданию простой семейной структуры, основанной на нуклеарной модели.

4. Стремление к заключению брачных союзов, основанных на искренних взаимных чувствах между партнерами¹.

5. Низкая значимость родственных связей в «расширенной семье» (клановых отношений), относительно слабо выраженный этноцентризм.

6. Склонность к индивидуализму и порожденным им феноменам: права личности как антипод государственных интересов, представительная власть, моральный универсализм и наука.

Я всю жизнь занимался эволюционной биологией, и когда в центре моего внимания оказалась эволюционная теория пола, то меня заставил крепко задуматься один вопрос: почему, собственно, для Западной цивилизации столь характерна моногамия? Ведь данная теория весьма проста: женщинам приходится делать значительные вложения в процессы воспроизводства — беременность, кормление, а зачастую и уход за детьми требуют больших временных издержек. В результате репродуктивные способности женщины оказываются сильно ограниченными. Даже в идеальных условиях женщина может родить примерно 20 детей. Что касается мужчин, то воспроизводство само по себе не требует от него никаких особых затрат, поэтому они могут иметь связь со многи-

¹ Здесь К. Макдональд использует понятие «companionate marriage» (букв. «дружеский брак») — семейный союз, где психологическая совместимость, способность к эмоциональной близости и взаимной поддержке считаются первичными по сравнению с материальными аспектами (*Прим. пер.*).

ми партнершами — особенно это касается людей, обладающих богатством и властью. Говоря коротко, интенсивные полигамные отношения, практикуемые такими мужчинами, представляются оптимальной стратегией, так как именно такая модель способствует репродуктивному успеху² на индивидуальном уровне.

Данная теория базируется на прочной эмпирической основе. В традиционных обществах по всему миру существует выраженная связь между богатством и способностью к воспроизводству. Состоятельные и влиятельные мужчины могут добиваться власти над большим, даже огромным числом женщин. В самых разных цивилизациях — от Китая, Индии и мусульманских стран до Нового света, древних Египта и Израиля — мужчины, происходившие из элитной среды, позволяли себе содержать сотни, а иногда и тысячи наложниц. В Африке южнее Сахары женщины могли растить детей без поддержки со стороны противоположного пола, поэтому там отмечался низкий уровень многоженства и менее активная борьба между мужчинами за обладание как можно большим числом женщин. Во всех перечисленных регионах дети, рождавшиеся от таких отношений, считались законными. Они обладали правом наследовать имущество, а их самих не презирало общество. Китайский император мог иметь тысячи наложниц, а у одного из султанов Марокко, как сообщает Книга рекордов Гиннеса, было 888 детей.

Справедливости ради надо отметить, что моногамия была нормой не только в западных обществах. Однако здесь следует различать моногамию, обусловленную внешними, природными факторами, от моногамии как императива, продиктованного ценностями самого социума. В целом «природная» моногамия встречается в сообществах,

которым приходится выживать в суровых природных условиях, например в полярном или пустынном климате. Суть в том, что в неблагоприятной среде женщина не может в одиночку растить детей без мужчины, способного ее обеспечивать. Если бы такие природные условия сохранялись на протяжении длительного в контексте эволюционных перспектив периода, то с определенной долей вероятности можно было бы ожидать, что проживающее в них общество выработает устойчивую склонность к моногамии. В самом деле, несложно предположить, что склонность к моногамии может стать настолько сильной, что она породит психологические и культурные процессы, ведущие к ее полному триумфу независимо от меняющихся особенностей окружающей среды. Впоследствии я покажу, что именно это и произошло с европейцами.

Ричард Александер использовал термин «социально обусловленная моногамия» для описания случаев, когда моногамия господствует даже при отсутствии суровых природных условий³. Последние вынуждают мужчину обеспечивать детей непосредственно, но при более благоприятных обстоятельствах, как показывает опыт, мужчины начинают соревнование за обладание как можно большим количеством жен.

Первый пример уникальности Запада

Пока во всех экономически развитых цивилизациях процветала полигамия, практиковавшаяся успешными мужчинами, западные общества, начиная с эпохи античных Греции и Рима до наших дней, отличались повышенной склонностью к моногамии.

В Древнем Риме этому способствовали различные политические институты и идеологические системы.

² Количество копий генов, переданных следующему поколению (*Прим. пер.*).

³ *Alexander R.D. Darwinism and Human Affairs. Seattle: University of Washington Press, 1979.*

Истоки происхождения социально обусловленной моногамии теряются в глубине веков, но мы можем достоверно утверждать, что ее существование обеспечивали сразу несколько механизмов. В число последних входили законы, понижавшие статус детей, рожденных вне моногамных союзов, традиции, осуждавшие развод, общественное порицание отступлений от нормативной сексуальной этики, а также поощрение моногамной модели со стороны религии. Система подобных сдержек в разных формах встречается на всем протяжении истории Запада.

В эпоху Римской республики функционировали также механизмы, которые ограничивали политический деспотизм аристократических семей — к ним относятся, например, ограниченный срок нахождения на консульской должности и одновременное пребывание в ней двух человек сразу. Формальные требования к политическим представителям низших классов — народным трибунам — постепенно увеличивались. Помимо этого, действовала система законов, запрещавших браки между близкими родственниками. Таким образом, законодательство препятствовало концентрации богатства в руках кланов, объединенных по родовому признаку, и, следовательно, не позволяло той или иной аристократической группировке добиться монопольного доминирования над остальными.

Впрочем, торжество моногамии у римлян было отнюдь не полным. Ее упадок начался в эпоху империи, когда произошел слом устоявшейся в республиканский период семейной модели вследствие роста числа разводов и ослабления санкции на моногамию со стороны религии. Тем не менее с юридической точки зрения (и как минимум в теории) римская культура оставалась моногамной до самого конца. Многоженство никогда не дозволялось законом, дети, рожденные вне моногамной семьи, поражались в правах на насле-

дование имущества, а статус их самих определялся социальным положением матери.

В Средние века церковь попыталась сделать моногамию обязательной нормой для знатных мужчин, и вокруг брачного вопроса развернулась целая битва. Важно отметить, что христианская церковь в принципе являлась интегральным элементом в структуре Западной цивилизации. Когда в XIII в. Марко Поло совершил путешествие в Китай, а в 1519 г. Кортес прибыл в Ацтекское государство, то оба первопроездца обнаружили в этих странах множество черт, напоминавших им о Европе: и там, и там выделялись потомственная знать, служители культа, воины, ремесленники и крестьяне, объединенные в одно общество, жившее за счет аграрной экономики. Но, несмотря на близкие сходства, они не встретили там социальных систем, где религиозная элита претендовала бы на привилегированное положение по сравнению со светскими властями и успешно диктовала репродуктивные модели ее представителям. Точно так же путешественники не видели в новых землях королей типа Людовика IX (св. Людовик), который, находясь на французском троне, вел монашеский образ жизни, жил с единственной женой и неоднократно ходил в военные походы ради освобождения Святой земли.

Христианская церковь стала наследницей римской цивилизации, где моногамия была укоренена в законе и обычаях, поэтому в Средневековье именно она взяла на себя миссию привить эту концепцию брака нарождавшейся европейской аристократии. Вне всяких сомнений, распространение многоженства в среде европейской знати в раннее Средневековье было сравнительно небольшим, принимая во внимание гаремы Китая и мусульманского мира, однако следует учитывать и то обстоятельство, что свойственный той эпохе низкий уровень развития экономики также мог выступать

дополнительным фактором, который препятствовал росту полигамных связей. В Китае же, например, император правил обширной и населенной страной, обладавшей большими избытками экономической продукции. Он был несоизмеримо богаче племенных вождей раннесредневековой Европы и направлял свою власть и деньги на обладание как можно большим числом женщин.

Как бы то ни было, полигамия встречалась на территории Европейского континента, и в Средние века она стала предметом конфликта между церковью и аристократией. В Средневековье церковь была «наиболее влиятельным и важным институтом», и один из ключевых аспектов ее влияния в светской аристократической среде состоял в возможности регулировать вопросы сексуальных отношений и воспроизводства. В результате одни и те же правила взаимоотношений между полами были приняты и богатыми, и бедными. Программа церкви «помимо прочего, предполагала, что все миряне, в особенности наиболее влиятельные, должны признать ее высший авторитет в вопросах морали, особенно касающейся половых отношений. Институт брака позволял клирикам пользоваться этим авторитетом на практике. Все вопросы семейно-брачных отношений следовало передавать на рассмотрение духовенству, и только они одни могла выносить по ним решение»⁴.

Уникальная особенность церкви состоит в том, что ее популярности способствовала репутация альтруистической организации. Средневековая церковь в лице своих представителей успешно демонстрировала незаинтересованность в обладании женщинами или собственном репродуктивном успехе. Так дела обстояли, однако, далеко не всегда. До реформ, осуществленных в Средние века, у многих свя-

щенников были жены и наложницы. В 742 г. св. Бонифаций в письме Папе жаловался на французских христиан: «...так называемые диаконы прожигают жизнь, начиная с ранней молодости, в распутстве, изменах и всякого рода нечестии, и с такой-то репутацией они получают сан. А теперь, разделяя ложе с четырьмя-пятью наложницами, имеет дерзновение читать Евангелие»⁵.

Невзирая ни на что, реформа в среде духовенства была не показной, нет никаких данных о том, чтобы английские прелаты XIII в. имели супругу или семью. Браки среди даже низших слоев духовенства были выраженным исключением в тот период в Англии, а воздержание от половой жизни являлось абсолютной нормой до самой Реформации.

Благодаря этому церковь могла собственным примером утверждать в обществе целомудрие и альтруизм. В течение XIII в. монахи нищенствующих орденов (доминиканцы, францисканцы) играли ключевую роль в преобразованиях, позволивших усилить власть Папы в церкви, укрепить celibат среди клириков, выработать механизмы противодействия nepотизму и симонии (покупка и продажа церковных должностей) и увеличить влияние духовенства на светскую власть, в том числе в вопросах сексуальных отношений. «Добровольная бедность нищенствующих монахов и самостоятельный избранный ими путь аскезы отождествили их с наиболее обезделенными слоями населения. Их образ жизни, который резко контрастировал с карьеризмом и показной роскошью погруженного в светскость высшего духовенства, а также богатствами монастырей, пробуждал совесть и щедрость коммерсантов»⁶.

⁴ *Duby, G. The Knight, the Lady, and the Priest* (trans. Barbara Bray). London: Penguin Books, 1983. P. 162.

⁵ *Lynch, J.E. Marriage and celibacy of the clergy: The discipline of the Western Church: An historical-canonical synopsis // Jurist 23:14–38; 189–212, 1972a. P. 33.*

⁶ *Lawrence, C.H. The Friars: The Impact*

В XIII в. нищенствующими монахами обычно становились выходцы из аристократии, средних землевладельцев и других состоятельных слоев. Родители часто осуждали такой выбор детей — вероятно потому, что им, как и большинству родителей, хотелось иметь внуков. «Мысль о том, что дети могут стать странствующими монахами, была настоящим кошмаром для обеспеченных семей»⁷. Последние стали избегать посылать своих детей на обучение в университеты по причине вполне обоснованных опасений, что они будут вовлечены в религиозную жизнь.

Центральное место в социальной структуре занимал институт, идеология которого побуждала людей быть альтруистами и вести целомудренный образ жизни, даже если при рождении им посчастливилось стать обладателями больших материальных благ. Данное обстоятельство объясняет, почему широкими слоями общества был принят авторитет церкви в вопросах брака и сексуальной морали, однако оно одно не в состоянии дать ответ на вопрос о том, почему состоятельные люди уходили в монастыри и принимали обет безбрачия.

Средневековая церковь являлась уникальным компонентом Западной цивилизации, однако, как нам представляется, во многих важных аспектах она была наиболее «незападной». Дело в том, что для Европы того времени было характерно коллективистское общество с сильным чувством групповой идентичности и преданности. В дальнейшем я покажу, что, невзирая на это, именно в западных обществах развилась наиболее сильная приверженность индивидуализму, который

стал интегральной чертой западной цивилизации.

Коллективизм западноевропейских обществ в эпоху позднего Средневековья носил вполне реальный характер. Во всех слоях общества царила коллективная преданность христианским идеалам, что выражалось, например, в массах паломников и вспышках религиозного рвения в период Крестовых походов во имя освобождения Святой земли от мусульманского владычества. Средневековая церковь являлась носителем сильного чувства христианской групповой солидарности в противовес евреям и весьма часто прилагала усилия, направленные на минимизацию их влияния в политической и экономической сфере и предупреждение социального взаимодействия между христианами и евреями.

Безусловно, способность элиты к целомудренному образу жизни не всегда благоприятствовал реализации идеала монолитного христианского общества, сплоченного под омофором могущественной церкви. Однако подобные изъяны может извинить тот факт, что в Средние века многие верующие, и в особенности ключевые игроки тогдашнего социума (монашеские движения, нищенствующие братства, папы-реформаторы, пассионарные крестоносцы, благочестивые паломники и даже некоторые аристократы из элиты) видели себя частью высокоорганизованной наднациональной общности. Именно такого рода коллективизм — столь нетипичный для современного западного общества — способен объяснить групповую солидарность и альтруизм в Средневековье с психологической точки зрения.

Управленческие и идеологические механизмы поддержания социально обусловленной моногамии в Западной Европе

В Западной Европе усилиями церкви утвердилась проистекавшая из ее

of the Early Mendicant Movement on Western Culture. London: Longman, 1994. P. 126.

⁷ *Tellenbach, G.* The Church in Western Europe from the Tenth to the Early Twelfth Century. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 103.

доктрины модель брака, которая находилась в прямой оппозиции репродуктивным интересам аристократии. Прямым следствием ее стараний стало преобразование структуры семьи и утверждение моногамии к концу XII в. Для сохранения господства последней следующие факторы оказались наиболее значимыми.

Запрет разводов. Богатые мужчины могут позволить себе легко расторгнуть брачные узы, поскольку могут запросто жениться повторно. В то время как развод был обычным делом у других евразийских обществ, одновременно будучи легальным актом у племен дохристианской Европы, точка зрения церкви состояла в том, что брак должен быть нерасторжимым и моногамным. Условия разводов стали еще более ужесточенными в эпоху римских христианских императоров, а с IX по XII в. церковь одержала несколько крупных побед над аристократией в процессах, где рассматривались бракоразводные дела. Так, в XIV в. французский король Филипп не смог получить разрешение на развод с нелюбимой женой, которая была к тому же неспособна к деторождению. Более того, ему пришлось извиняться перед клириками в парижском аббатстве.

Периодически развод разрешался, однако основанием для него могло послужить желание родить наследника мужского пола, когда это не удавалось в первом браке (случай Людовика VII и Алиеноры Аквитанской во Франции). В Англии развод был практически невозможным ни для кого (за исключением отдельных очень богатых людей) до реформы 1857 г. Но и тогда уровень разводов остался очень низким: на 10 000 браков приходилось не более одного развода, к 1943 г. эта цифра выросла до одного на 1000. В 1910 г. ни в одной европейской стране число разводов не превышало пяти на 1000 жителей. Насколько я могу судить, столь явная тенденция к про-

тивоедействию расторжению семейных союзов является уникальной особенностью среди всех мировых цивилизаций.

Санкции за внебрачные связи. С эволюционной точки зрения, самым важным аспектом регулирования репродуктивных процессов является политика в отношении внебрачного сожительства. Жесткая позиция касательно этого явления находилась в противоречии с репродуктивными интересами состоятельных мужчин: заводить любовницу было проблематично ввиду тяжелых последствий для детей, могущих родиться от такой связи: они попросту не могли наследовать собственность.

Церковь активно боролась с внебрачными связями, в особенности если они являлись формой супружеской измены. Представляется обоснованным думать, что ей удавалось налаживать эффективные механизмы, препятствовавшие незаконнорожденным детям получать наследство. церковь считала, что законный брак приводил к рождению законных же детей, внебрачные же дети не обладали равным с ними статусом, хотя некоторые исключения и случались. Недвижимое имущество таких детей подвергалось конфискации в пользу церкви или государства. Из завещаний, составленных в Англии в пуританскую эру, внебрачные наследники исчезают совсем.

Помимо прямых санкций со стороны церкви, существовали и другие формы наказаний, связанных с рождением внебрачных детей. Они были связаны с позицией светских властей и общественным мнением. Отцы и матери незаконнорожденных детей могли подвергнуться остракизму и тюремному заключению. Женщины стремились скрыть свою беременность, даже ценой переезда в отдаленную местность. Все это в совокупности приводило к более высокой смертности среди внебрачных детей, которых матери часто вовсе оставляли после рождения. За-

частую нежелательная беременность становилась причиной аборт и даже детоубийства.

Санкции за внебрачные связи в элитных слоях общества. Запретительная политика в отношении внебрачного сожителства, практиковавшегося мужчинами из высшего общества, становилась все более эффективной в средневековую эпоху. Последняя, впрочем, оставила нам ряд примеров, когда представителям аристократии удавалось игнорировать социальные и идеологические барьеры, обеспечивавшие незыблемость моногамии (при этом обратная картина встречается не реже). Общую картину можно понять, посмотрев на матримониальные модели, практиковавшиеся английскими королями. 10 из 18 королей, правивших Англией с 1066 по 1485 г., имели любовниц, от которых родился, с высокой степенью вероятности, 41 внебрачный ребенок. 20 из них приходится на Генриха I (1100–1135). Ни у одного из остальных королей не было более трех внебрачных детей, а в случае восьми правителей источники указывают на их полное отсутствие. Генрих I стоит особняком в этом ряду, так как за его плодовитостью стоял рациональный расчет, направленный на удовлетворение территориальных амбиций. Однако Генрих относился к своим незаконнорожденным отпрыскам значительно хуже, чем к их собратьям от законных жен.

Официальный надзор за поведением в сексуальной сфере в Средние века и в более позднее время. Одну из своих ключевых задач средневековая церковь видела в регулировании сексуального поведения путем назначения наказаний от принятых норм. Церковные суды, разбиравшие дела о блуде, прелюбодеянии, инцесте и незаконном сожителстве, действовали до конца XVII в. Эффективность подобных инстанций варьировалась в зависимости от конкретной эпохи и региона, однако зачастую преследования наруши-

телей принимали тотальный характер: над жертвой издевались соседи, местное население устраивало ему коллективный бойкот, с ним обращались как с изгоем. Светские суды аналогичным образом выносили приговоры за преступления сексуального характера. Например, в соответствии со Статутом Елизаветы, в XVI–XVII вв. мировые судьи обычно приговаривали нарушителей обоих полов к публичной порке.

Поощрявшие моногамию идеологии. Хотя в деле поддержания норм сексуального поведения церковь опиралась прежде всего на реальные властные механизмы, ею же параллельно разрабатывалась специальная идеология, поощрявшая моногамию и половое воздержание. В работах, проповедовавших эти идеи, обосновывалось моральное превосходство безбрачия и греховность любых связей вне законного супружества. Вплоть до наступления современной эпохи все виды сексуальных отношений, за исключением моногамного брака, безусловно осуждались религиозными авторитетами.

Даже интимные отношения между мужем и женой воспринимались как некая неизбежная печальная необходимость, отмеченная печатью порока, а чрезмерная страсть к законной супруге считалась изменой. Хотя в XVIII в. отношение к сексуальной сфере несколько смягчилось, в следующем столетии на общественную авансцену вышла мощная религиозная идеология сексуального антигедонизма.

Заключение. В Средние века функционирование продуманной системы социального контроля и идеологий привела к практически полному утверждению моногамии на большей части Европейского континента. «Выдающимся социальным достижением раннего Средневековья стало воцарение одних и тех же правил сексуального поведения как для богатых, так и для бедных. Ни король в своем дворце, ни крестьянин в хижине не могли стать

исключением»⁸. Тем не менее всю систему сложно назвать чисто эгалитарной. В доиндустриальной Европе существовала определенная корреляция между богатством и репродуктивным успехом.

В Западной Европе наблюдается удивительная преемственность между разнообразными институтами, которые наказывали за полигамию и лишали легитимной репродуктивной составляющей все виды половых отношений за пределами моногамного брака (или же подавляли их вовсе). Несмотря на эволюцию этих институтов и на кардинальные изменения в политических и экономических структурах, европейские семейные институты, берущие начало в древнеримской эпохе, были нацелены на введение моногамии. В целом их усилия оказались успешными.

Последствия торжества моногамии

Моногамия является ключевым фактором неповторимости европейской цивилизации, действие которого привело к далеко идущим последствиям. Этот феномен, вполне вероятно, стал необходимой предпосылкой для уникальной европейской модели низкого демографического давления. Такая модель функционирует за счет позднего замужества и безбрачия большого числа женщин в периоды экономического неблагополучия. Доминирование моногамных браков приводит к тому, что бедные представители обоих полов оказываются неспособными создать семью, в то время как в условиях полигамного общества избыток малообеспеченных женщин просто снижает размеры затрат богатых мужчин на содержание любовниц. Например, в конце XVII в. около 23% мужчин и столько же женщин в воз-

расте 40–44 лет не состояли в браке. Однако в результате улучшения экономической ситуации эта доля упала до 9% — соответственно снизился и средний брачный возраст. Как и в случае с моногамией, такая демографическая модель не имела прецедентов среди минимально развитых обществ Евразии.

В свою очередь модель низкого демографического давления также возымела серьезные последствия. Описанный матримониальный механизм не только стал барьером для роста населения, но и послужил предпосылкой для благоприятных экономических изменений: в периоды экономического процветания шло накопление капиталов, а не рост напряжения из-за нехватки продовольствия для бесконтрольно увеличивавшегося населения (здесь особенно показателен пример Англии).

Гармоничная взаимосвязь экономических и демографических тенденций, которые вели к повышению заработной платы, предоставляла возможность вырваться из ловушки низких доходов, которую часто считают одним из ключевых препятствий для развития доиндустриальных стран. Длительный период роста заработной платы, сопровождаемый изменением структуры спроса, способен привести к увеличению потребности в товарах, не являющихся жизненно необходимыми, и тем самым стимулировать развитие тех секторов экономики, процветание которых особенно необходимо для начала промышленной революции.

Таким образом, у нас есть некоторые основания считать, что моногамия, став предпосылкой к утверждению модели низкого демографического давления, была необходимым условием для индустриализации. Общая закономерность заключается не в том, что существует некая устойчивая тенденция именно к позднему браку и/или безбрачию у женщин. В действительности брачное поведение во многом

⁸ Herlihy, D. *Medieval Households*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1985. P. 157.

определяется экономическими факторами. В благополучные периоды возраст вступления в брак для обоих полов и численность бездетных женщин снижались. В итоге система матримонимальных отношений оказывалась зависимой от уровня доступа к ресурсам: «Гибкий механизм брачного поведения был важной отличительной особенностью Европы, или, иными словами, служил осью, на которой вращалась вся система. Именно он позволял населению приспосабливаться к сдвигам в экономике»⁹. Данный тезис дает возможность предположить, что моногамия в действительности являлась центральным элементом в архитектуре западной модернизации.

Моногамия и инвестирование в детей. Доминирование полигамных отношений обычно приводит к перераспределению инвестиций: основные средства идут на репродуктивную активность, но не вкладываются в детей. В обществе, где практикуется многоженство, для мужчины представляется более привлекательным содержать еще одну жену или любовницу, дети от которых не требуют больших затрат на себя. В таком социуме потомки от любовниц получали довольно скромное наследство и легко опускались по социальной лестнице вниз. У отцов не было особой необходимости вкладывать время, силы и деньги в потомство от других своих женщин.

Моногамия уменьшает возможность отдельного мужчины вкладываться в потомство, ограниченное кругом детей от единственной женщины. По мере снижения значимости отношений в расширенной семье (см. ниже) и утверждения моногамии во всех слоях социума воспитание детей стало обязанностью исключительно независимой нуклеарной семьи. Как будет сказано ниже, подобная «простая» семья

стала основным двигателем западной модернизации.

Упадок расширенной семьи и расцвет «простых» домохозяйств

Как и в истории с моногамией, церковь сыграла значительную роль в снижении роли связей в «расширенной семье». Стоит, правда, отметить, что здесь на руку церкви играло усиление могущественного централизованного государства, которое работало на ослабление таких связей, вместо которых акцент ставился на гарантии соблюдения интересов отдельной личности.

С точки зрения эволюционного подхода невозможно переоценить потенциальную важность родственных отношений. Наличие биологического родства порождает у людей общие интересы, создает максимально благоприятные стартовые условия для взаимодействия и даже самопожертвования ради ближнего. Германские племена, заселившие Западную Европу на закате античности, представляли собой сообщества родов, основу которых составляли мужчины, объединенные кровными узами. Эти племена обладали сильной групповой солидарностью именно благодаря кровнородственным связям. «Поскольку древние германцы не могли рассчитывать на защиту со стороны государства в период нападения врагов или голода, каждый мужчина и каждая женщина несли обязанность быть верным базовому принципу — социально-биологическому принципу коллективного выживания, секрет которого заключался в семейных узах и внутриобщинной солидарности»¹⁰. Впоследствии церковь и королевская власть приложили немало усилий для искоренения родоплеменной парадигмы.

Силы, противостоявшие расши-

⁹ MacFarlane, A. *Marriage and Love in England: Modes of Reproduction 1300–1840*. London: Basil Blackwell, 1986. P. 33.

¹⁰ Russell, J.C. *The Germanization of Early Medieval Christianity*. N. Y.: Oxford University Press, 1994. P. 120.

ренной семье. Ликвидация больших и сильных родоплеменных групп отвечала интересам как церкви, так и аристократии. Более высокая степень централизации государственной власти сама по себе имела тенденцию уменьшать значимость расширенной семьи, тем более если такая власть апеллирует к интересам отдельных индивидуумов. Если смотреть сквозь призму эволюционного подхода, расширенная семья как дает преимущества, так и порождает издержки. Выгода от таких отношений состоит в защите со стороны широкого круга родственников, но одновременно с этим 1) возрастает уровень требований родственников об ответной защите и поддержке; 2) возрастают препятствия со стороны рода к выделению отдельного его представителя из общей массы; 3) структура рода находится в радикальном противоречии с принципами эгалитаризма. В результате, как правило, люди склонны искать поддержку у расширенной семьи только в случае деградации централизованного государственного аппарата, и наоборот: в период устойчивости последнего отождествление себя с кровнородственными структурами утрачивает практический смысл (польза от связи с ней исчезает, а издержки остаются).

Постепенно в Европе формируется аристократия, базовой ячейкой которой является простая семья, лишенная обязательств по отношению к отдельным частям расширенной фамилии. Окружение, с которым она взаимодействует, состоит прежде всего из друзей и соседей, а не разнообразных родственников. Такая социальная структура утверждается в позднем Средневековье. Следует отметить, что в Англии и Франции крестьянство существовало в рамках той же самой модели.

Политика церкви. Церковь внесла большой вклад в дело преодоления влияния расширенной семьи посредством противодействия близкородственным

бракам и поддержки семейных союзов, основанных исключительно на взаимном согласии жениха и невесты. Для достижения своей цели церковь поэтапно вводила запреты на брак между родственниками более широкого круга. Так, если в VI в. оказались запрещены семейные союзы между троюродными братьями и сестрами, то к XI в. эта норма распространилась аж на шестюродных. Совершенно очевидно, что глубина подобных запретов стала уникальной и не могла быть спрогнозирована теорией эволюции. Более того, биологическое родство не являлось единственным препятствием для брака, который являлся столь же недоступным не только для родственников по свойству, но и для лиц, объединенных духовным родством (напр., родственники крестных родителей). В результате этой политики была подорвана система взаимоотношений в расширенной семье и создана аристократия, представители которой были свободны от обязательств за пределами собственной семьи. Все слои благородного сословия, включая королевские роды, состояли в относительно тесных родственных связях. Властная верхушка не имела возможности к самоизоляции за счет браков только между собственными членами. Выгодополучателями этой системы становились дети конкретной семейной пары, а не ее близкие или дальние родственники: «Мужчины, занимавшие высокое положение в обществе, стремились рационально использовать свое богатство максимально во благо прямых потомков, а не членов расширенной семьи»¹¹.

Помимо этого, церковная доктрина брака по обоюдному согласию выступала как дополнительный фактор в противодействии расширенной семье. Брак возникал как результат обоюдного желания жениха и невесты и под-

¹¹ *Leyser, K.J.* Rule and Conflict in Early Medieval Society. London: E. Arnold, 1979. P. 50.

тверждался актом супружеской любви. Лишив семью и светские власти авторитета в семейно-брачных вопросах, церковь выступила против основ тогдашних традиций. В Новое время в Англии абсолютное большинство браков заключалось на основе добровольного выбора, воля родителей имела значение только в верхней страте, составлявшей 1% населения.

Этнический базис западного индивидуализма

Магический (Восточный) человек является частью духовного начала «мы». Будучи ниспослано свыше, оно является одним и тем же для всех его членов. Душа и тело, конечно, принадлежат только человеку. Внутри него, однако, существует еще «нечто», относящееся к иному измерению. Это «нечто» превращает человека со всем его опытом и убеждениями в часть глобального консенсуса, который, являясь эманацией Бога, исключает всякую возможность самоутверждения для Эго. В глазах носителя такой ментальности понятие правды будет отличаться от того, как его видит представитель европейской цивилизации. Все наши эпистемологические методы, основанные на индивидуальном суждении, кажутся ему сумасшествием и безрассудством, а полученные благодаря им научные открытия — работой лукавого, который возмутил и обманул дух, лишив его способности к осознанию истинной реальности и настоящих целей. Тут мы подошли к главному: непостижимый секрет магического мышления в его пещерном мире — невозможность мышления, веры и познания Эго является основным принципом всех соответствующих религий.

Фаустов мир: «У Вольфрама фон Эшенбаха, Сервантеса, Шекспира, Гёте трагическое разбивается из внутреннего к внешнему, динамически, функционально... стремясь поставить под сомнение самого Бога, если маска, которую он показывает (или

якобы показывает), отдает во время прикосновения пустым звуком» (Освальд Шпенглер)¹².

Можно было бы предположить, что торжество индивидуалистичной нуклеарной семьи, основанной на любви и согласии, моногамия и падение значимости расширенной семьи является прямым следствием описанных мною социальных процессов. Однако дело в том, что эти изменения оказались гораздо более быстрыми и основательными, чем в остальных частях планеты. Западный мир является единственной цивилизацией, которой присущи все маркеры индивидуализма: моногамия, нуклеарная семья, представительная власть, обеспечивающая реализацию прав личности в государстве, моральный универсализм и наука. Далее, эта культура была создана на основе динамичной матрицы цивилизации Древнего Рима, где уже были представлены некоторые из этих феноменов. Поэтому я утверждаю, что эти тенденции в комплексе присущи только Западной цивилизации и под ними лежит этническая основа.

По моему мнению, в ходе последнего этапа своей эволюции европейцы оказались менее подверженными межгрупповому естественному отбору, нежели евреи и другие ближневосточные общества. Первым такое предположение высказал Фриц Ленц. Он выдвинул гипотезу о том, что из-за тяжелых условий ледникового периода нордические народы стали жить небольшими группами и приобрели склонность к социальной изоляции. Из такой концепции не следует, что северные европейцы лишены коллективистских механизмов, необходимых для межгрупповой конкуренции. Однако эти механизмы выражены более слабо, а для их запуска требуется более интенсивный уровень конфликта, чем обычно.

¹² Campbell, J. The Masks of God (4 Vols.). N. Y.: Viking, 1959. Vol. 3. P. 234 & Vol. 4. P. 554.

Описанный подход вполне гармонирует с экологической теорией. Суровая окружающая среда способствует развитию таких адаптаций, которые направлены больше на борьбу с вызовами природы, нежели с другими группами. Кроме того, в таких условиях обнаруживается меньше стимулов для интеграции в систему обширных родоплеменных связей и сообщества с ярко выраженными коллективистскими установками. Концепции этноцентризма с эволюционной точки зрения подчеркивают значение этого феномена для межгрупповой конкуренции, который в процессе борьбы за выживание в сложных естественных условиях не имеет практического смысла. К тому же окружающая среда не благоприятствует жизни в больших группах в принципе.

Европейские народы являются частью культурного ареала Северной Евразии и Приполярной зоны, где издревле жили охотники и собиратели, адаптировавшиеся к холодным и неблагоприятным для жизни климатическим поясам. Суровый климат вынуждает мужчину больше заботиться об обеспечении своей семьи и способствует развитию моногамных тенденций, поскольку природа не позволяет существовать многоженству и объединениям больших групп людей в течение периода, значимого с точки зрения эволюционных циклов. В таких культурах господствуют относительно равноправные отношения между полами. Все указанные особенности противоположны ситуации, которую мы находим в Ближневосточном культурном ареале, где исторически проживали евреи и другие родственные им народы.

Подобный сценарий вполне объясняет, почему народы Северной Европы имеют большую склонность к индивидуализму. На протяжении долгого времени они проживали в таких природных условиях, которые не располагали к образованию крупных племенных сообществ. Исследования ДНК показы-

вают, что около 80% генов европейцев унаследованы от популяций, мигрировавших в Европу с Ближнего Востока 30–40 тысяч лет назад и сумевших пережить ледниковый период. За это время европейцы, по всей видимости, не только сумели приспособиться к холодной и пасмурной погоде, но и приобрести фенотипические изменения: светлые волосы и голубые глаза. Вероятно, внешняя среда повлияла также и на их темперамент и образ жизни.

Упомянутые популяции были не земледельцами, а охотниками и собирателями. Занятия охотой способствовали укреплению семейных пар, формируя психологический фундамент моногамии: они были невозможны без тесного сотрудничества между мужчиной-добытчиком и женщиной — хранительницей очага (история его уходит вглубь на 500 тысяч лет). Помимо этого, охота требовала «значительного опыта, качественного обучения и регулярной практики» — все это стимулировало вкладывать в детей как можно больше¹³. Она также развивала интеллект, поскольку человек мог в ней опираться больше на свои когнитивные способности, нежели на скорость бега или физическую силу.

Исторические сведения указывают на то, что европейцы, прежде всего проживавшие на северо-западе Европы, сравнительно быстро отказались от культивирования расширенной семьи и коллективистских социальных структур, когда их интересы оказались под защитой усиливавшегося централизованного государства. Строго говоря, по всему миру клановые отношения ослабевают по мере возрастания роли государственной власти. Однако в случае Западной Европы эта тенденция возобладала очень быстро: по всей вероятности, к позднему Средневековью она привела к появлению уникаль-

¹³ Roebroeks, W. Hominid behaviour and the earliest occupation of Europe: An exploration // Journal of Human Evolution 41, 2001. P. 450.

ного западноевропейского вида «простого домохозяйства». В его основе лежит супружеская пара и их дети. Такая модель была обычным явлением в Скандинавии (кроме Финляндии), на Британских островах, немецкоязычных землях и в Северной Франции. Она не похожа на совместные семейные структуры, распространенные в остальной части Евразии, где домохозяйство состояло из двух или более семейных пар (как правило, в него входили братья и их жены). До промышленной революции системы простых домохозяйств отличалась поздним возрастом вступления в брак, а также частным переходом неженатых молодых людей из одного богатого семейства в другое, где они трудились в качестве слуг. В совместных домохозяйствах мужчины и женщины рано женились, а уровень рождаемости был выше. В таких коллективных структурах функционировали специфические механизмы распада на два и более домохозяйства, если возникала такая необходимость.

Система простых домохозяйств является фундаментальным свойством индивидуализма как культурного феномена. В ее рамках семья могла преследовать собственные интересы, будучи свободной от обязательств и ограничений, возникающих в условиях родоплеменных отношений, и удушающего коллективизма, принятого в социальных структурах остального мира. Брак, основанный на индивидуальном согласии и взаимной эмоциональной привязанности, быстро вытеснил семейные союзы, порождаемые клановыми интересами или откровенным расчетом.

Другим моментом, обуславливающим уникальность Запада, стала традиция, когда молодые люди из крестьянских семей шли работать слугами в домохозяйства Северо-Западной Европы, где возобладали модель простой семьи. От 30 до 40% молодежи в доиндустриальной Англии состояло на та-

кой службе, что является самым высоким показателем занятости того или иного класса до XX в. Обычай брать слуг был обусловлен не только необходимостью выполнять нужную работу чужими руками. Иногда человек мог отправить своих детей работать чьими-нибудь слугами и при этом нанять работников себе. В XVII и XVIII вв. некоторые пары нанимали слуг сразу после свадьбы и держали их до тех пор, пока дети не выросли и сами не начинали оказывать помощь (впоследствии они могли пойти служить другим господам).

Таким образом, мы имеем дело с глубоко укорененной культурной практикой, которая приводила к высокому уровню взаимодействия между людьми, не связанными родственными отношениями. Эта традиция также обуславливает сравнительно низкий уровень этноцентризма, снижавшегося благодаря постоянному контакту главы домохозяйства с его членами, не имевшими с ним родственных связей. Доиндустриальные общества европейцев не объединяются в структуры расширенной семьи, что, естественно, создавало хорошие предпосылки для их вхождения в стадию промышленной революции и современного этапа развития в целом. В остальной Евразии в то же время господствовала кровнородственная модель функционирования домохозяйств.

Интересно отметить, что, например, в таком обществе с высокой сексуальной конкуренцией, как классический Китай, служанки становились наложницами главы семейства, вследствие чего ресурсы домохозяйства шли непосредственно на покрытие репродуктивных расходов. В западноевропейской модели богатые мужчины оказывали поддержку намного большему числу лиц, не являвшихся их родственниками, по сравнению с другими народами Евразии. Любопытно, что в обществах охотников и собирателей, живущих в условиях сурового климата, на-

блюдаются развитые системы взаимобмена, в которых одни делятся ресурсами с другими — например, мясом. Я предполагаю, что данная система, столь характерная для доиндустриальной Западной Европы, была еще одним свидетельством продолжения описанных выше эволюционных процессов в холодных северных широтах.

Вслед за образованием простого домохозяйства, где отсутствует связь с расширенной кровнородственной общиной, возникли и все остальные маркеры западной модернизации: ограниченная государственная власть, чья сфера полномочий оставляла пространство для широких индивидуальных прав, капиталистическое предпринимательство, основанное на индивидуальных экономических правах, а также наука как инструмент личного познания истины. Индивидуалистское общество порождает республиканские политические и научно-исследовательские институты, которые способствуют делегитимации верховной власти в случае пренебрежения ею правами личности.

Брак в индивидуалистском социуме: обоюдное согласие, любовь и привичность эмоциональной привязанности как основа семейного союза

Развитие простого домохозяйства, базирующегося на принципе согласия между партнерами, привело к тому, что личные качества потенциального супруга приобретали намного большую важность по сравнению с популяциями, где доминируют кровнородственные связи. Для последних совершенно обычны близкородственные браки, отвечающие стратегии конкретного рода. В условиях же простых домохозяйств качества «второй половинки», такие как интеллект, человеческая порядочность, психологическая совместимость и социально-экономический статус, оказываются решающими в матримонильной парадигме.

В то время как в коллективистских сообществах генеалогическое родство и генетическая близость воспринимаются как ключевые преимущества при заключении брака, в индивидуалистских обществах ценят романтическую любовь и общие интересы, благодаря которым усиливается привлекательность друг для друга. Джон Муни в своих исследованиях отмечает весьма устойчивую склонность северо-европейских народов к восприятию романтической любви как состояния, из которого рождается супружеский союз¹⁴. Фрэнк Салтер выдвинул тезис, что те же народы обладают рядом специальных адаптаций в области сексуального поведения, включая выраженную склонность к романтической любви в противовес механизмам социального контроля как средству профилактики возможных измен¹⁵. Эволюционная составляющая индивидуализма означает имплицитное восприятие романтической любви как особого адаптивного психологического механизма, успешно работающего вместо таких распространенных в коллективистских цивилизациях императивных норм, как родовая стратегия или выбор партнера по воле родителей или иных родственников. Вообще, сложно не увидеть разницу между двумя следующими ситуациями. В первом случае два более-менее равных партнера самостоятельно начинают отношения и взаимные ухаживания, в другом же особые институты как, например, «пурда», характерные для средневосточных регионов, позволяют мужчинам изолировать своих родственников женского пола и осуществлять контроль над ними до тех пор, пока они не

¹⁴ Money, J. Love, and Love Sickness: The Science of Sex, Gender Differences, and Pair Bonding. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1980.

¹⁵ Salter, F.K. Does female beauty increase male confidence of paternity? A blank slate hypothesis // Ethology and Sociobiology 1994.

будут выданы замуж по воле и в интересах семьи.

Начиная со Средних веков развивалась традиция «дружеского брака» (семейного союза, где психологическая совместимость, способность к эмоциональной близости и взаимной поддержке считаются первичными по сравнению с материальными аспектами), в конечном итоге ставшего нормой и в среде высшей аристократии. В то время как эмоциональная взаимосвязь между мужчиной и женщиной является само собой разумеющейся вещью на Западе, для социальных структур большей части земного шара она не является существенным элементом. В самом деле, это различие и порождает контраст между иерархичными обществами Востока и Запада. Для интеллектуальной традиции Европы характерна идеализация романтической любви как основы моногамного союза, что особенно заметно на примерах античного стоицизма и романтизма XIX в. Не следует думать, что любовь и эмоциональная привязанность мужчины и женщины друг к другу вообще отсутствовали за пределами европейской цивилизации, однако именно там эти феномены приобрели фундаментальную важность.

Признание мужчины и женщины равноправными сторонами в матримонимальных отношениях обусловило относительный паритет в возрасте жениха и невесты. Среднестатистическая европейка в момент выхода замуж была старше невест, проживавших где-либо в Евразии или Африке. Эта закономерность оказывалась верной и для крестьянской среды. Например, как показывает статистика за 1550–1675 гг., англичанки вступали в брак в возрасте около 26 лет. К 1800 г. этот показатель несколько снизился, составив 24 года.

Эмоциональная привязанность между мужем и женой стала культурной нормой, утвердившейся одновременно с расцветом простых домохозяйств.

Европейский феномен благородного ухаживания (уникальное явление среди культур Евразии и Африки) позволял потенциальным жениху и невесте общаться в течение определенного периода, дабы самим оценить, насколько они подходят друг другу. По словам Мальтуса, «обоим полам была дарована возможность развить сильное и прочное эмоциональное влечение, без которого совместная жизнь приносит более бедствий, нежели счастья»¹⁶.

Индивидуализм и снижение уровня этнического самосознания европейцев

В предыдущих частях данной работы я изложил сценарий, который можно было бы сформулировать вкратце таким образом. Этноцентризм европейцев находится на сравнительно низком уровне по причине того, что они прошли через длительный период существования в неблагоприятных условиях, где родоплеменные связи в рамках расширенной семьи не имели особого значения. Это позволило им успешно адаптировать все маркеры, сопутствующие модернизации: «дружеский брак», права личности как противовес государственному произволу, представительную власть, моральный универсализм и науку. Этот вектор развития породил невиданную ранее в мировой истории эпоху творческих достижений, завоеваний и создания материальных благ, которая продолжается и по сей день. Тем не менее, как я уже писал в одной из своих книг об иудаизме, индивидуализм служит весьма слабым стратегическим инструментом по сравнению с методами сплоченных групп. На Западе большие кланы, основанные на кровнородственных связях, были ликвидированы в целях проведения успешной модернизации, однако

¹⁶ MacFarlane, A. *Marriage and Love in England: Modes of Reproduction 1300–1840*. London: Basil Blackwell, 1986. P. 294.

Таблица различий между европейской и еврейской культурными формами*

Параметр	Культурный базис европейцев	Культурный базис евреев
Эволюционный бэкграунд	Охотники и собиратели Севера	Скотоводы Ближнего Востока
Родовая система	Двусторонняя; Слабая патрилокальность	Однолинейная; Сильная патрилокальность
Семейная система	Простое домохозяйство	Расширенная семья; Совместное домохозяйство
Формы брака	Экзогамный Моногамный	Эндогамный; Кровнородственный; Полигамный
Брачная психология	Эмоциональная привязанность; Акцент на взаимном согласии и расположении друг к другу	Утилитарность; Акцент на родовой стратегии и контроле со стороны клана
Положение женщины	Сравнительно высокое	Сравнительно низкое
Социальная структура	Индивидуалистическая; Республиканская; Демократическая	Коллективистская; Авторитарная; Харизматические лидеры
Этноцентризм	Сравнительно низкий	Сравнительно высокий; «гиперэтноцентризм»
Ксенофобия	Выражена слабо	Выражена сильно; «Гиперксенофобия»
Социализация	Независимость, опора на собственные силы	Отождествление себя с группой, обязательства перед кровнородственной общностью
Интеллектуальная парадигма	Разум; Наука	Догматизм; Преклонение перед значимыми для группы авторитетами и харизматическими лидерами
Моральная парадигма	Моральный универсализм; Мораль независима от групповых интересов	Моральный релятивизм; Различия между внутри- и внегрупповой моралью; «А хорошо ли это для евреев?»

* *MacDonald, K.B. Separation and Its Discontents: Toward an Evolutionary Theory of Anti-Semitism. Westport, CT: Praeger, 1998.*

межгрупповая конкуренция как таковая отнюдь не ушла в прошлое. В XIX в. начинается соревнование между евреями как коллективистской группой с развитым этническим самосознанием и западными элитами, верными идеалам индивидуализма.

С антропологической точки зрения евреи происходят из ближневосточного культурного ареала, который по своим параметрам являет противоположность европейской социальной организации. Как показано в таблице,

для иудаизма¹⁷ характерны коллективизм, сильная склонность к этноцентризму, ксенофобия и моральный релятивизм.

В моих книгах об иудаизме неоднократно появляется тезис, в соответствии с которым индивидуалистическое общество очень уязвимо перед вторжением сплоченных групп извне, в

¹⁷ Как эволюционной стратегии, в терминологии К. Макдональда (*Прим. пер.*).

том числе и отождествляющих себя с иудаизмом. Недавние исследования, проведенные специалистами в области экономической эволюции, блестяще продемонстрировали глубинные различия между индивидуалистскими и коллективистскими культурами¹⁸.

Важный компонент этого исследования состоял в построении модели эволюции способов взаимодействия в индивидуалистских социумах. Их представители будут из альтруистических побуждений наказывать отступников во время «статической игры»¹⁹, участники которой взаимодействуют только однажды, благодаря чему на них не отражается репутация человека, с которым ему или ей довелось вступить в контакт. Следовательно, описанная ситуация моделирует индивидуалистскую культуру, поскольку ее акторы являются друг для друга незнакомцами, не объединенными какими-либо кровнородственными связями. В рамках исследования было неожиданно обнаружено еще и то, что лица, сделавшие большие пожертвования на общее благо, оказались склонными наказывать тех «эгоистов», кто не поступал аналогичным образом, даже если для них самих это могло повлечь серьезные издержки (отсюда термин «альтруистическое наказание»). Более того, наказанные игроки в следующих раундах меняли поведение и выделяли больше средств на пожертвования в будущем, невзирая на имевшуюся у них заранее осведомленность о смене состава игроков после каждой игры.

Европейцы действуют именно таким образом, как показано в описанной модели. Их сообщества осуществляют взаимодействие с посторонними людьми более интенсивно, нежели с члена-

ми собственной расширенной семьи, проявляя выраженную склонность к рыночным отношениям и индивидуализму.

Исходя из приведенной схемы, можно сделать предположение, что группа, желающая заставить европейцев заняться самоуничтожением, должна стимулировать заложенную в них способность к альтруистическому наказанию посредством убеждения их в моральной ущербности собственного общества. Поскольку европейцы являются глубокими индивидуалистами, то они с легкостью входят в состояние морального гнева против представителей своего же народа, если они воспринимают последних как социальных паразитов. Это является проявлением склонности европейцев к альтруистическому наказанию, происходящей из той стадии их эволюции, когда они были охотниками и собирателями. При принятии решения применить альтруистическое наказание относительное генетическое расстояние не имеет значения. Паразиты воспринимаются подобно незнакомцам в рыночной ситуации, т.е. они не имеют семейных или племенных связей с наказывающим индивидуумом.

Одним из европейских сообществ, которые активно применяли альтруистическое наказание, были пуритане. Отличительная черта пуританства заключалась в стремлении преследовать утопические цели, представляемые в качестве морального императива. Последователи этого учения считали поддержание морали высшей целью государства. Новая Англия стала почвой для «совершенствования веры человека» и «родиной десятка «измов»²⁰. Всякая политическая альтернатива воспринималась там как чуждая форма морали, являвшаяся воплощением зла, вдохновленного самим дьяволом.

¹⁸ Febr, E. & Gchter, S. Altruistic punishment in humans // Nature 415: 137–140, 2002.

¹⁹ Здесь К. Макдональд использует термин «one-shot game» — игра с одним периодом, т.е. игра, в которой игроки выбирают свои стратегии только один раз (Прим. пер.).

²⁰ Fischer, D.H. Albion's Seed: Four British Folkways in America. N. Y.: Oxford University Press, 1989. P. 357.

Пуритане вели священную войну за торжество истинной морали против собственных генетических собратьев. Из этого можно сделать вывод, что альтруистическое наказание чаще встречается у взаимодействующих групп охотников и собирателей, чем у групп, объединенных кровнородственными связями. Так, невзирая на весь клубок сложных политических и экономических причин, приведших к Гражданской войне 1861–1865 гг. (самый кровавый и разрушительный конфликт в истории США), именно моральное осуждение рабства со стороны янки стимулировало радикальную риторику и впоследствии помогло представить в сознании пуритан резню близкородственных англо-американцев во имя блага рабов из Африки морально оправданным актом. Воинствующий морализм последних, наряду с желанием оправдать драконовское наказание для преступников, ярко проявился в высказываниях священника-конгрегациониста Генри Уорда Бичера (1813–1887), призывавшего к «уничтожению немецкого народа... стерилизации 10 миллионов германских солдат и сегрегации женщин»²¹.

Таким образом, альтруистическое наказание является интегральным компонентом современной Западной цивилизации: как только европейцы убеждаются, что представители их собственного народа стали морально ущербными, они немедленно начинают использовать против них всевозможные санкции. В этой ситуации другие европейцы рассматривались не как часть целостного этноплеменного сообщества, а неизбежная мишень для поражения. Для европейцев мораль индивидуалистична, поэтому нарушения паразитами общественных норм

наказывается альтруистической агрессией.

С другой стороны, групповые стратегии, существующие в коллективистских культурах, таких как еврейские, защищены от подобных атак, поскольку родственные и групповые связи имеют приоритет над всем остальным. Мораль является относительной: моральным считается то, что хорошо для данной конкретной группы. В таких социумах отсутствует традиция альтруистического наказания, потому что их эволюционное развитие строилось вокруг взаимодействия родственников, а не незнакомцев.

Само собой, наилучшая стратегия для разгрома европейцев силами такой коллективистской группы, как евреи, заключалась в том, чтобы заставить их уверовать в собственную моральную несостоятельность. Основной темой моей книги *«Культура критики: эволюционный анализ еврейского участия в интеллектуальных и политических движениях XX в.»* является история о том, как еврейским интеллектуальным движениям удалось достичь своей цели²². Они представляли иудаизм как систему ценностей, морально превосходящую европейскую цивилизацию, а европейскую цивилизацию как, наоборот, несостоятельную и потому ставшую хорошей мишенью для альтруистического наказания.

Как только европейцы окончательно усвоят убежденность в собственной моральной порочности, они уничтожат сами себя в приступе альтруистического наказания. Общий демонтаж культуры Запада и последующая утрата им всех признаков некогда единой этнической общности произойдет в результате психологической атаки, обостряющей пароксизм альтруистического наказания в форме самоубий-

²¹ Vaughn, A.T. *The Puritan Tradition in America, 1620–1730* (revised ed.). Hanover and London: University Press of New England, 1997. P. 20.

²² MacDonald, K.B. *The Culture of Critique: An Evolutionary Analysis of Jewish Involvement in Twentieth-Century Intellectual and Political Movements*. Westport, CT: Praeger, 1998.

ства. Именно отсюда проистекают непрестанные усилия еврейских интеллектуалов по поддержанию идеологии морального превосходства иудаизма и его исторической роли как невинной жертвы с одновременными нападками на моральную легитимность основ Западной цивилизации.

Индивидуалистские сообщества представляют собой идеальную среду для действия иудаизма как ярко выраженной коллективистской стратегии в защиту групповых интересов. Важно отметить, что проблема иммиграции неевропейских народов не только не ограничивается США, но и становится опасным и все более острым вопросом для всей Западной цивилизации: только народы европейского происхождения открыли двери своих стран для выходцев из других концов планеты и теперь оказались перед лицом угрозы утраты земель, на которых жили сотни лет. Во многом это произошло вследствие работы собственного неотрефлексированного морального императива, чем поспешили воспользоваться выступающие за иммиграцию активисты из нацменьшинств ради достижения целей собственных этнических групп.

В западных обществах давно существует традиция индивидуалистического гуманизма, который усложняет введение иммиграционных ограничений. Например, в XIX в. Верховный суд США дважды отменял законы о прекращении иммиграции китайцев на том основании, что их действие было направлено против групп, но не против отдельных индивидов. Работа по созданию интеллектуального базиса для введения иммиграционных ограничений сталкивалась с колоссальными препятствиями; к 1920 г. он основывался на декларировании этнических интересов северо-западных европейцев и имплицитно апеллировал к расовому мышлению. Однако было крайне сложно примирить оба этих принципа с официально провозглашавшей-

ся политической, моральной и гуманитарной идеологией республиканского и демократического общества, где, как подчеркивали выступавшие за неограниченную иммиграцию еврейские активисты типа Исраэля Зангвилла, принадлежность к расовой или этнической группе не имела общепризнанного интеллектуального статуса. Когда аргумент в пользу защиты этнических интересов уступил место теории «ассимиляционного потенциала» в ходе обсуждения закона Маккаррена–Уолтера (1952 г.), то и она воспринималась оппонентами лишь как завуалированный «расизм». Потом эта интеллектуальная традиция погибла окончательно; вместе с ней рухнула и центральная несущая колонна, защищавшая этнические интересы народов европейского происхождения.

Важный элемент стратегии еврейских интеллектуалов состоял в пропаганде крайних форм радикального индивидуализма и морального универсализма, ставивших под удар этническую идентичность общества. С их помощью им удалось подорвать остававшиеся источники групповой солидарности среди европейцев, не затронув при этом иудаизм как очень сплоченное движение, отстаивающее коллективные интересы. Такая стратегия может быть прекрасно проиллюстрирована на примере Франкфуртской школы социальных исследований, а также левых политических идеологий и школы психоанализа. Если грубо упростить, то в описанной парадигме групповые идентичности нееврейских обществ рассматриваются как симптом психического расстройства.

Несмотря на снижение значимости кровнородственных связей и рост индивидуализма, европейцы до самого последнего времени не утрачивали чувства принадлежности к одному большому сообществу. До XX в. включительно американцы европейского происхождения сохраняли ощущение «народности» («peoplehood») как про-

изводной от расы. Это отождествление себя с народностью и расой подкреплялось дарвиновской академической традицией, которая не только провозглашала расовые различия научным фактом, но и рассматривала белую расу как особенно одаренную. Однако в долгосрочной перспективе попытки подвести биологический базис под концепт народности окончились неудачей. Теперь они и вовсе вызывают ужас в академических кругах — в основном благодаря тем самым интеллектуальным движениям, ставшим предметом моего анализа в «*Культуре критики*»²³.

Заключение

Вопрос о том, сумеют ли западные индивидуалистские общества встать на защиту законных интересов народов европейского происхождения, остается открытым. Существующие тенденции побуждают сделать прогноз, что если индивидуалистское начало в них не ослабнет, то в конечном

итоге все закончится сильным падением генетического, политического и культурного влияния этих народов. Это событие станет беспрецедентным отказом от былого могущества, к тому же совершённым в одностороннем порядке. Ученый-эволюционист не может представить, что этот процесс не будет сопровождаться хотя бы ограниченным сопротивлением со стороны некоторой части населения, вероятно, наиболее этноцентричной его части. По иронии судьбы, такая реакция, вероятно, приведет к адаптации некоторых аспектов иудаизма в части усвоения коллективистских идеологий и социальных организаций, направленных на защиту групповых интересов. Но независимо от того, будет ли упадок европейских народов продолжаться и дальше или все-таки прекратится, он в любом случае войдет в историю как результат глубокого воздействия иудаизма как групповой эволюционной стратегии на общества Запада.

Перевод с английского
Дмитрия Павлова

²³ Ibid.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СКИМЕНЬ» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Александр Храмов. «Катехизис национал-демократа»

В книге молодого политика и публициста Александра Храмова затрагивается проблематика отношений нации и империи в российской истории, рассматриваются особенности и генезис российского федерализма. Что такое русский демократический национализм, возможно ли трансформировать Российскую Федерацию в русское национальное государство — на эти и другие вопросы автор пытается дать ответ в рамках национал-демократической парадигмы. Книга предназначена широкому кругу читателей, интересующихся историей и современным политическим процессом в России.

По вопросам распространения и приобретения: 8-964-580-1912, lasido@mail.ru (Надежда Шалимова).